

Ф. ТОРРАНС¹

**«ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ» БАЛЬЗАКА
В ПЕРЕВОДЕ ДОСТОЕВСКОГО**

Взгляд западных исследователей

Перевод романа О. де Бальзака «Евгения Гранде», выполненный Достоевским², уже давно является объектом внимания как российских, так и западных исследователей³. К сожалению, работы последних на эту тему оказались почти вне поля зрения первых. Настоящий обзор преследует цель исправить это досадное недоразумение, возникшее по причинам исключительно внешнего характера (незнание российских исследователей о существовании этих работ или их недоступность)⁴. В нем освещены в основном следующие работы (приводим их здесь в хронологическом порядке)⁵:

1) *Blinoff M. Dostoïevsky et Balzac // Comparative Literature. 1951. N 4. P. 342–355.*

2) *Hunt J. Balzac and Dostoevsky: Some Elements of Scene // Comparative Literature Studies. 1966. N 3. P. 439–443.*

3) *Arban D. Les années d'apprentissage de Dostoïevsky. Paris, 1968. P. 228–240.*

4) *Catteau J. La création littéraire chez Dostoïevsky. Paris, 1978. P. 25–28.*

¹ Статья написана Ф. Торрансом. С. Кибальником осуществлен ее перевод с французского на русский язык, редакционная обработка и добавлены примечания к тексту статьи. Работа выполнена в рамках Международного проекта Российского гуманитарного научного центра (РГНФ) и фонда «Дом Наук о человеке» (Франция), № 12-24-08888 а/м.

² Репертуар и пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1844. Т. 6. Отд. 1. С. 386–457; Т. 7. Отд. 1. С. 44–125.

³ Основная литература по этой теме приведена в справочно-библиографических изданиях: Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник / Науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 67–68.

⁴ Разумеется, в свою очередь, в работах западных исследователей иногда также отчасти сказывалось неполное знакомство с российской частью истории изучения вопроса. К сожалению, нам не удалось познакомиться с диссертационной работой американской исследовательницы Дианы Накеев, посвященной переводу Достоевского: *Nakeev D. G. The Early Dostoevsky: Style and Meaning in his Translation of Eugénie Grandet. New York: Columbia University, 1973 (Diss Abstracts 1973 (33) — 23871).*

⁵ В виде исключения мы включаем в обзор и одну работу российской исследовательницы (В. Бирон), опубликованную по-французски и в труднодоступном издании. В дальнейшем цитаты на указанные издания приводятся в тексте, с указанием в скобках номера страницы.

5) *Busch R. L.* Dostoevski's Translation of Balzac's Eugénie Grandet // Canadian Slavonic Papers. 1983. Vol. 25. P. 78–89.

6) *Rayfield D.* Dostoevski's Eugénie Grandet // Forum for Modern Language Studies. 1984. N 20. P. 133–142.

7) *Biron V.* Balzac et Dostoïevsky // Klimoff A. (ed.). Balzac dans l'Empire russe. Paris: Paris-Musées, 1993.

8) *Lantz K.* The Dostoevski Encyclopedia. Westport (Connecticut); London, 2004. P. 28–31.

Многие западные исследователи подчеркивают общее сходство (при этом, разумеется, оговаривая и существенные различия) между Бальзаком и Достоевским. Такое сопоставление опирается на любовь к Бальзаку, выраженную молодым Достоевским, и верность этой любви, которую он хранил на протяжении всей своей жизни. То, что перевод «Евгении Гранде» оказался первым опубликованным (и одновременно вообще первым дошедшим до нас) литературным трудом Достоевского, привлекает к нему особое внимание.

Так, в частности, несколько страниц своей общей статьи на тему «Достоевский и Бальзак» еще в 1951 г. посвятила этому переводу Марта Блиноф. В дальнейшем появился еще целый ряд работ, в которых он рассматривался сам по себе или в свете того влияния, которое Бальзак оказал на его автора. Разумеется, в некоторых случаях к работам западных исследователей можно было бы привести параллели из исследований российских ученых, однако в настоящем обзоре из них приведены лишь самые необходимые.

Ниже мы приводим основные положения работ западных исследователей по наиболее существенным вопросам, связанным с этим переводом. Это проблема атрибуции, вопрос о качестве перевода, об издании «Евгении Гранде», которым пользовался Достоевский, о трансформациях, которым он подверг текст Бальзака, и, наконец, о связи перевода «Евгении Гранде» с последующим оригинальным творчеством писателя.

Проблема атрибуции

Принадлежит ли перевод «Евгении Гранде», опубликованный в 1844 г. в журнале «Репертуар и пантеон», Достоевскому, — вопрос, который поднимается не слишком часто. Большинство исследователей полагают это само собой разумеющимся. Впрочем, на основании того, что рукопись перевода Достоевского не сохранилась, а публикация перевода на страницах журнала не содержит имени переводчика, Дональд Рейфилд подверг это представление сомнению. Кроме того, Достоевский, по воспоминаниям Д. В. Григоровича, сетовал на то, что в журнальной публикации перевод был сокращен «едва ли не на треть»,

а между тем в действительности в ней отсутствует не более 13 % текста романа Бальзака⁶. Хотя Рейфилд завершает статью осторожным умозаключением, что перевод может быть атрибутирован «ученику Гоголя, писавшему в 1840-е годы» (с. 140), он приводит некоторые аргументы также и в пользу авторства Достоевского.

В частности, он подчеркивает стилистическое сходство между этим переводом и последующими оригинальными романами Достоевского: живость диалогов (переводчик наделяет Гранде «богатым и лаконичным русским языком», который напоминает речь Федора Павловича Карамазова в «Братьях Карамазовых»); склонность к действительным причастиям несовершенного вида; игра глагольными корнями; присутствие (прежде всего в конструкциях типа «как мы сказали») всезнающего повествователя, очень типичного для Достоевского. Исправление им некоторых цифр, значащихся у Бальзака, Рейфилд предположительно связывает с военно-инженерным образованием переводчика.

Доминик Арбан приводит биографические аргументы в пользу атрибуции Достоевскому этого перевода. Он подчеркивает, насколько сам выбор произведения, а также трансформация переводчиком некоторых деталей навеяны собственным опытом писателя: скупость отца, лишения, которым он подвергал свою семью, отвергнутая и умирающая от истощения мать⁷. Госпожа Гранде и ее дочь предвосхищают слабых по своему положению, но сильных духом героинь Достоевского: Катерину Ивановну и Соню Мармеладовых, а также сестру Раскольникову Дуню в «Преступлении и наказании» или Дашу Шатову в «Бесах». Достоевский вкладывает в уста господина Гранде ласковое уменьшительное определение «жизнечок» (оно использовано также в «Бедных людях» — 1, 111) и выражение «душа моя», которые его отец использовал в своих письмах к жене (с. 234–235).

Исследователь подробно анализирует трансформацию «несессера», доверенного Шарлем Евгении, который у Бальзака представлял собой «ларец» с «золотом»⁸, в отделанный золотом «медальон»⁹, напоминающий тот, в котором хранились выгравированные портреты родителей Достоевского. Трансформация эта тем более разительна, что влечет за собой несоответствия — например, в том, что предмет

⁶ По подсчету В.С. Нечаевой, осуществленному на основании сличения перевода с подлинником, «это не более 10–15 страниц при 150 страницах полного текста» (Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979. С. 110).

⁷ Впрочем, такое представление в значительной степени основано на биографических трудах о Достоевском, изданных в советское время.

⁸ Бальзак О. де. Евгения Гранде // Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. М., 1983. Т. 2. С. 652.

⁹ Евгения Гранде. Роман г-на О. де Бальзака // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Издание в авторской орфографии и пунктуации / Под ред. В.Н. Захарова. Петрозаводск, 1995. Т. 1. С. 514.

по весу приближается к трем или четырем книгам, а это соответствует именно ларцу, а не медальону. Арбан заключает из этого, что переводчик настойчиво вводит в повествование свои собственные воспоминания и даже заветные мысли. Детальное рассмотрение перевода может, по его мнению, в случае необходимости обнаружить другие странности такого рода, которые объясняются некоторыми особенностями жизни Достоевского и которые лишней раз свидетельствуют о принадлежности перевода его перу (с. 236, 238–240).

Качество перевода

Суждения о качестве перевода довольно различны. Впрочем, единогласно признается, что требования к нему в то время отличались от современных и что переводчику тогда предоставлялась гораздо бóльшая свобода. Так, Д. Арбан полагает, что, поскольку «переводчик относится к своему тексту с заметными любовью и уважением», внесенные им изменения в целом довольно скромны (с. 231). М. Блиноф подчеркивает, что если Достоевский возмущался купюрами, сделанными в его переводе, то он сам «искажал Бальзака уже тем, что приносил в него романтический дух Шиллера — другого своего идола. Он перелагает роман Бальзака гораздо более приподнятым тоном, то и дело расцвечивая текст самыми живописными эпитетами. Так, страдания Евгении становятся „глубокими и ужасными мучениями“. Эта горячая патетика пронизывает весь перевод, одновременно напоминая европейский сентиментальный роман конца XVIII в. и предвещая эмоциональную наивность, которой проникнуты последние произведения Достоевского» (с. 343–344).

Заходя в этом направлении еще дальше, Ж. Катто пишет, что Достоевский «парафразирует, избегает трудностей, раздувает описания, чрезмерно русифицирует текст („степь“ вместо „сельской местности“), меняет логику бальзаковской фразы, слишком часто возводя случайное в ранг главного и добавляя впечатляющие эпитеты („страшный“, „таинственный“ и т. д.), сгущает краски („бледный и холодный“ странным образом передается как „мрачный“). Короче говоря, это крайне свободный перевод, в котором ослаблен дух оригинала. Сила и энергия Бальзака от этого страдают» (с. 26).

Вера Бирон признает наличие в переводе ошибок и неточностей, но одновременно полагает, что Достоевскому удалось адекватно передать поэтику Бальзака, характеры его героев, его ясный и образный язык и размах произведения. Она выделяет один и тот же повторяющийся прием переводчика: он начинает каждую фразу буквальным переводом, немного модифицирует оригинал в ее середине и иногда прибавляет что-то свое в конце (с. 104–105). Иногда (например при описании костюма Гранде) Достоевский переводит как бы «по памяти»,

не справляясь с оригиналом. Тем не менее существенные изменения, вносимые в него, по мнению исследовательницы, связаны с «желанием наиболее точно выразить впечатление, порожденное той или иной ситуацией, дать русский вариант эпизода, эквивалентный французскому. Таким образом, исследовательница оценивает перевод Достоевского как такой, который в терминах современной теории перевода можно было бы назвать «динамически эквивалентным». Замечательные пассажи в переводе, впрочем, сосуществуют с недоразумениями и вольностями, которые, однако, не мешают ему быть «высокохудожественным произведением», «своего рода сплавом Бальзака с Достоевским» (с. 105, 110).

Тем не менее это далеко не самая комплиментарная оценка перевода Достоевского. Так, Д. Рейфилд полагает, что он вообще не содержит значительных трансформаций и верно передает оригинал. Проанализировав различные изменения деталей, которые обратили на себя его внимание, исследователь заключает, что Достоевский «проявляет себя как переводчик лучше всего там, где его зарождающийся гений соответствует гению Бальзака» (с. 141). Р. Л. Буш прибегает к более детальной формулировке: в то время как романтизм позволял переводчику отступать от своего образца, Достоевский старается оставаться верным ему. Однако «он работал слишком быстро, чтобы его перевод можно было считать мастерским и конгениальным оригиналу Бальзака». Достоевский часто старался передавать лишь суть вещей, не прилагая достаточных усилий к разрешению тонких вопросов стиля, которые ставил перед ним текст Бальзака (с. 75).

Издание «Евгении Гранде», которым пользовался Достоевский

По этому вопросу все исследователи сходятся в одном: Достоевский следовал изданию Беше, вышедшему в 1834 г.¹⁰ Это проявляется в цифрах, которые фигурируют в его переводе, в делении на шесть глав, в разделении текста на многочисленные абзацы и в наличии опущенного в издании 1843 г. эпилога. Издание Шарпантье, вышедшее в 1839 г., воспроизводит текст издания 1834 г. и отличается от него только отсутствием деления на главы и перестановкой наиболее существенных абзацев. Этих изменений от Бальзака потребовали из соображений экономии, в то время как он сам предпочитал более дробное деление текста. Большинство текстуальных различий между изданиями 1834 г. (Беше) и 1843 г. (Фюрн) в основном несущественны, и их беглый анализ подтверждает, что Достоевский следовал изданию Беше.

¹⁰ *Balzac H. de. Scènes de la vie de province. T. 1 // Balzac H. de. Etudes de moeurs au XIX siècle. Paris: Madame Charles-Béchet éditeur, 1834. T. 5.*

Трансформации, которые содержит перевод Достоевского

Трансформации текста Бальзака сводятся к трем типам: сокращения, добавления и изменения без распространения текста.

I. Сокращения. Они касаются фрагментов текста, различных по своей значимости: от слова до части фразы, целой фразы и даже до нескольких фраз. Говоря об этом, В. Бирон отмечает, что нелегко различить между собой сокращения, вызванные тремя различными факторами: 1) цензурой, весьма активной в этот период; 2) издателем, практиковавшим автоцензуру и стремившимся к экономии затрат на издание; 3) сокращения, сделанные самим Достоевским (намеренно или по небрежности).

Исследователи не располагают ни рукописью Достоевского, ни гранками, ни данными из архива Цензурного комитета и вследствие этого в большинстве случаев вынуждены высказывать по поводу всех этих факторов лишь скромные предположения. Так, Д. Рейфилд замечает, что наиболее важные сокращения в тексте Бальзака коснулись фраз, в которых заходит речь о религии (с. 134, 137–138): опущены все ссылки на христианство, сделанные не в рамках диалогов, размышления Бальзака об иронии Провидения, о похоти священнослужителей и о допустимости сохранять «девство, будучи замужем»¹¹. По мнению Р.Л. Буша, трудно сказать, были ли они вызваны соображениями цензуры, автоцензуры или стремлением молодого и атеистически настроенного Достоевского опускать в своем переводе религиозные пассажи (с. 89).

Другие сокращения вызваны спешкой или отсутствием у переводчика интереса к определенным реалиям (деревья, цветы, птицы, насекомые; детали, касающиеся виноградарства, бондарского и слесарного дела, работ по рытью канав), а также трудностями в передаче профессиональной лексики юристов, коммерсантов и священников. Достоевский и не пытается передать некоторые формы игры слов. По замечанию Д. Рейфилда (с. 135–137), в реплике «торговца солью» о хорошо сохранившейся Нанон: «elle s'est conservée comme dans de la saumure»¹² («она сохранилась, как в рассоле»¹³) он оставляет без перевода игру слов *saumure* / *Saumur* (рассол / Сомюр (город)).

Достоевский опустил также некоторые литературные цитаты. Например, в V главе («Семейные горести»): «les clous semés sur la muraille»¹⁴ («гвозди, рассеянные по стене»¹⁵) — из Ж.-Б. Боссюэ и саму отсылку к нему, упоминание оперных арий или популярных куплетов, которые напевали Гранде или Шарль, сопоставление борьбы между

¹¹ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 712.

¹² Balzac H. de. Scènes de la vie de province. Т. 1. P. 311.

¹³ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 697.

¹⁴ Balzac H. de. Scènes de la vie de province. Т. 1. P. 265.

¹⁵ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 667.

Крюшо и де Грассенами с противоборством между Пацци и Медичи¹⁶. По словам Д. Рейфилда, переводчик, несомненно, опустил эти детали как мало что говорящие русскому читателю (с. 136).

Р. Л. Буш видит в сокращении многих описательных деталей проявление присущей Достоевскому склонности к экономии реалий предметного мира: они у него «подчинены словам, эмоциям и опыту персонажей», тогда как у Бальзака «существует угроза, что герои могут оказаться раздавленными грузом реалий» (с. 78). Достоевский не придерживается почтительного тона бальзаковского повествователя, а также опускает присущие стилю «Евгении Гранде» сентенции, риторические вопросы, максимы (в которые нередко отливаются у Бальзака мысли, навеянные происходящим с героями). Это последнее Буш объясняет тем, что индивидуальный опыт у Достоевского не может распространяться на всех. Впрочем, этому представлению несколько противоречит, например, замечание повествователя в начале третьей части «Преступления и наказания» о матери Раскольникова Пульхерии Александровне: она «казалась гораздо моложе своих лет, что *бывает почти всегда с женщинами* (выделено нами. — С. К., Ф. Т.), сохраняющими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости» (6, 158).

Достоевский, отмечает Буш, опускает уподобление Нанон «сторожевому псу» в I главе (в то же время сохраняя сравнения Гранде с тигром и боа) и не передает неправильности ее речи. В образе госпожи Гранде переводчик смягчает черты порабощенности, но подчеркивает ее гордость (с. 81, 82). Некоторые из этих сокращений вызваны стремлением Достоевского конструировать впечатление читателя о героях, несколько отличное от того, которое стремился создать Бальзак. Например, Д. Арбан видит в сокращении Достоевским в V главе рассказа о последних днях госпожи Гранде отказ «слишком подробно останавливаться на долгих страданиях», которые вызывали у него ассоциации со страданиями, сопровождавшими жизнь его матери (с. 236).

II. Добавления. Как и отдельные сокращения, некоторые добавления подчеркивают отдельные черты героев или вовсе трансформируют их образы. Р. Л. Буш отмечает, что Достоевский сделал Гранде еще более отрицательным героем по сравнению с тем, каким он представлен у Бальзака. В то время как Бальзак называет его «M. Grandet» («господин Гранде») или «Père Grandet» («папаша Гранде»), Достоевский говорит о «старом скряге» (с. 79). Даже активную политическую роль Гранде в эпоху революции, рассказывая о которой, Бальзак подчеркивает его роль миротворца (играя эту роль, Гранде, разумеется, преследовал прежде всего собственные интересы, но в целом она была

¹⁶ Точности ради следует сказать, что сопоставление это у Достоевского присутствует, но не в развернутой форме: семейство Крюшо в I главе сопоставлено не с Медичи, а с «фамилией Пази во Флоренции», и далее сказано: «подобно Пази, Крюшо имели противников» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. I. С. 425).

благодарна и для Сомюра), Достоевский представляет в негативном свете. Он наделяет героя необузданным характером, делает его склонным к чрезмерным словесным излияниям, и эта его черта, по мнению Р. Л. Буша, предвосхищает в какой-то мере образ Федора Павловича Карамазова (с. 85).

В. Бирон даже пишет, что Достоевский стремился «словесно отомстить Гранде» (с. 107), упоминание имени которого он заменяет различными снижающими определениями: «скупец», «(старый) скряга». Он называет Гранде «старым скрягой» даже в сцене у изголовья его умирающей жены. Упоминание Бальзаком в описании «дома господина Гранде» (в I главе) «quelque ressemblance avec le porche d'une geôle»¹⁷ («некоторого сходства с тюремными воротами»¹⁸) обретает под пером Достоевского следующий вид: «Все в целом походило несколько на крыльцо какой-нибудь городской тюрьмы»¹⁹. По наблюдению В. Бирон, сходным образом изображена и комната Шарля (с. 108). Р. Л. Буш приходит к выводу, что Евгения становится менее наивной и более открыто выражает свои чувства (с. 84). На свой лад Достоевский развивает и некоторые детали текста Бальзака. Так, когда Гранде берется одурачить кредиторов своего брата, переводчик вставляет довольно неуместное сравнение его с игроком, который уже все проиграл, но продолжает следить за игрой (в II главе). Не сказался ли в этом собственный опыт Достоевского-игрока?

Больше всего добавлений относится не столько к плану содержания, сколько к плану выражения. Д. Рейфилд насчитывает множество случаев, когда Достоевский расцвечивает перевод «цветами гоголевской риторики». Например, когда речь у Бальзака заходит о том, что, «если бы Шарль воротился из далекой Ост-Индии, он снова застал бы те же лица и те же интересы», Достоевский прибавляет оборот «посреди этих жалких лиц»; фразу «Mais alors, comme autrefois, la figure d'Eugénie eût dominé le tableau...»²⁰ («Но и теперь, как и прежде, образ Евгении господствовал в картине...»²¹) распространяет до: «Но, как и прежде, посреди этих жалких лиц, взор Шарля отыскал бы свою Евгению, светлую, чистую, незапятнанную прикосновением жалкого отребья, ее окружавшего»²². Достоевский, таким образом, прибегает к пышным фразам там, где Бальзак пользуется иронией. Губы Евгении, у Бальзака «полные любви и добродетели» («pleines d'amour et de bonté»), становятся под пером Достоевского устами, «обещавшими страстную негу любви и наслаждения»²³. Д. Рейфилд также выделяет

¹⁷ Balzac H. de. Scènes de la vie de province. T. 1. P. 11.

¹⁸ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 563.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 426–427.

²⁰ Balzac H. de. Scènes de la vie de province. T. 1. P. 300.

²¹ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 700.

²² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 563.

²³ Там же. С. 430.

следующие типы добавлений: 1) прибавление прилагательного или определения: неутешная «вдова»²⁴; «снег» по колена²⁵; 2) прибавление фразы («общих мест» романтизма); 3) прибавление риторического вопроса, подчеркнутого просторечной инверсией гоголевского типа (имеется в виду творчество Н. В. Гоголя украинского периода); 4) утроение прилагательных и предлогов.

Возникает, правда, вопрос, стоит ли подчеркивать «гоголевский» характер многих из этих прибавлений, как это делает Рейфилд. Тем более что он почему-то относит к «цветам гоголевской риторики» и повтор таких слов, как «нега» и «наслаждение». Помимо этого, он полагает, что «эти изменения облегчают текст» (с. 140), что по меньшей мере спорно. Впрочем, быть может, противоположную крайность представляет собой суждение Ж. Катто о молодом Достоевском как о «еще пленнике театрального стиля, который хорошо себя чувствует там, где доминируют патетика, гиперболы, мелодраматический туман (мрак), условные отношения и напыщенные жесты» (с. 18).

По мнению Д. Арбана, многие из этих трансформаций могут быть отнесены на счет того, что Достоевский уступал своему «юношескому пристрастию к сентиментальной выпренности» (с. 243). Так, фраза «*Chère Eugénie, un cousin est mieux qu'un frère, il peut t'épouser*»²⁶ («Дорогая Евгения, кузен лучше, чем брат: он может жениться на тебе, — сказал ей Шарль»²⁷) переведена Достоевским: «Ты будешь моею, ты моя, Евгения, говорил Шарль»²⁸. Арбан считает, что и другие трансформации внесены для сгущения красок (например при описании кабинета Гранде), для усиления визуальности или по соображениям ритма русской фразы (с. 233).

Наконец, как пишет Р. Л. Буш, чаще, чем Бальзак, Достоевский предоставляет слово повествователю — в саркастических замечаниях и нравственных сентенциях (с. 79), а Д. Рейфилд добавил к этому вводные обороты вроде «как мы сказали» (с. 140).

III. Изменения текста. Исследователи приводят все виды изменений текста, вызванных спешкой (работа должна была быть выполнена за три недели) или, как пишет В. Бирон, небрежностью переводчика: брата Гранде зовут то Гильом, то Вильгельм (с. 105). Д. Рейфилд отметил, что папаша Гранде забавным образом отправляется на свои виноградники в десять часов вечера, а не утра; «чайка» (*une «mouette»*), которая «предвидит бурю»²⁹, становится «ласточкой»: «как ласточка предугадывала грозу»³⁰ и т. д. (с. 135). Некоторые реплики неправильно

²⁴ Там же. С. 460.

²⁵ Там же. С. 539.

²⁶ *Balzac H. de. Scènes de la vie de province.* Т. 1. Р. 250.

²⁷ *Бальзак О. де. Собр. соч.:* В 10 т. Т. 2. С. 661.

²⁸ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты.* Т. 1. С. 524.

²⁹ *Бальзак О. де. Собр. соч.:* В 10 т. Т. 2. С. 595.

³⁰ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты.* Т. 1. С. 458.

распределены: они приписаны Евгении, в то время как у Бальзака принадлежат Гранде (с. 136).

Более интересны изменения, обязанные своим возникновением личному восприятию Достоевским переводимого им произведения: например, упомянутая выше замена «ларца» «медальоном». В качестве примера менее серьезных трансформаций Арбан приводит следующий (с. 237). Во фразе Бальзака: «Часто Евгения упрекала себя в том, что была невольной причиной жестокой медленной болезни, убивавшей мать»³¹ — Достоевский убирает слово «невольной», а «упрекала себя» заменяет на «проклинала себя»³². Обвиняя Евгению таким образом, Достоевский выражал свое собственное чувство вины по отношению к смерти его родителей. Возможно, оно выразилось у него также в замене «*héritage de son père*» («отцовского наследства»), от которого «Шарль должен был подписать отказ»³³, — на «наследство по матери»: «Гранде торжественно сводил Шарля в суд первой инстанции, чтобы дать письменное отречение от наследства по матери»³⁴.

Другие трансформации касаются трактовки переводчиком героев Бальзака: мы видели их выше на примере обозначений господина Гранде. По этому поводу В. Бирон замечает, что там, где речь заходит о чувствах Евгении, Достоевский все время использует высокий стиль (с. 108). По наблюдениям Д. Рейфилда, живописные и фамильярные выражения, относящиеся к Нанон, Достоевский заменяет яркими русскими эквивалентами (с. 140). Так, например, ремарка соседа о ее свадьбе с Корнуайе в финале романа: «*Cornoiller a fait un bon soupr...*» («Корнуайе сделал выгодное дельце...»³⁵) — превращается под его пером в: «Она богата, и плут Корнулье знает, где раки зимуют...»).

Замена «деревни» «степью», отмеченная Ж. Катто (см. выше), того же порядка: Достоевский довольно часто стремится сделать текст Бальзака более доступным для русского читателя. Он также старается облегчить ему задачу, отделяя некоторые фразы Бальзака точкой с запятой. Всё же кое-где у Достоевского встречаются довольно невыразительные фразы, по-видимому, связанные с торопливостью в работе. Особенно нередки они, по замечанию Р. Л. Буша, в описаниях: например, в описании «двери» «дома господина Гранде» (с. 76–77).

³¹ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 682.

³² В действительности Достоевский здесь — возможно, по причине спешки — добавляет «проклинала себя» к «упрекала себя»: «Часто проклинала себя Евгения, упрекала себя, как причину тяжкой, жестокой болезни своей матери» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 544).

³³ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 658.

³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 520.

³⁵ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 697.

Связи перевода «Евгении Гранде» с последующим оригинальным творчеством Достоевского

Комментаторы перевода «Евгении Гранде» отметили, что Достоевский заимствует у Бальзака, и в особенности из «Евгении Гранде», темы и идеи, которые впоследствии варьируются во всем его творчестве. В целом, как пишет М. Блиноф, Достоевский следует Бальзаку, рассказывая истории «буржуазных драм» «маленьких людей», прежде всего горожан, в которых главной движущей силой являются деньги (с. 344). Действие романов Достоевского редко происходит в декорациях маленького города³⁶. Вот почему он чаще черпал свое вдохновение в «Отце Горио» и других «парижских» романах Бальзака. Сами же по себе декорации имеют у Достоевского особое значение. Например, изображение Бальзаком дома господина Гранде, по мнению Р. Л. Буша (с. 88) и К. Ланца (с. 30), отзовется в описании жилища Рогожина в «Идиоте».

Нашли отражение в дальнейшем творчестве Достоевского и типы героев «Евгении Гранде». Исследователи считают, что господин Гранде вдохновил его на различные образы скупцов: господина Прохарчина из одноименного рассказа, героя-рассказчика «Кроткой» и, наконец, Федора Павловича Карамазова. Как и Бальзак, Достоевский выведет в них «зло, сосредоточенное в старом скупце, который своим гнетом разрушает и героиню, и свою любовь», — пишет Д. Рейфилд (с. 140–141). По словам Ж. Катто, Достоевский воплотил в них тип «хищного» героя (с. 26), которому противостоят кроткие, жертвенные и мирящиеся со своим положением женщины. К. Ланц относит госпожу Гранде и Евгению к тому же типу героинь, что и Катерина из «Хозяйки», «кроткая», Дуня и Соня из «Преступления и наказания» и др. (с. 29). Так, пишет Ж. Катто, возникает «диалектика притеснителя и притесненного» (с. 27), которая утвердится в «Униженных и оскорбленных».

Могущество денег — существенный мотив «Евгении Гранде», и либеральные теории Иеремии Бентама, которые защищает Крюшо де Бонфон и которые приходятся весьма по нраву Гранде, останутся предметом особой ненависти Достоевского, — отмечает В. Бирон (с. 106). К этому нужно прибавить «переплетение денежных и сердечных дел»: это переплетение, пишет Р. Л. Буш, выявляет корыстные побуждения, владеющие Шарлем и Крюшо, и Достоевский вслед за Бальзаком показывает, как они приводят героев к краху (с. 89). Достоевский, считает Д. Рейфилд, подхватывает мысль Бальзака о том, что в современном обществе романтические ценности вытесняют деньги (с. 140–141).

³⁶ Об отзвуках «Евгении Гранде» и других произведений Бальзака из цикла «Сцены провинциальной жизни» в романах и повестях Достоевского, действие которых происходит в провинции, см.: *Кибальник С. А.* Провинциальный топос у Достоевского (бальзаковские претексты) // Летние чтения в Даровом. Вып. 3. Коломна, 2013 (в печати).

Моральное разложение высших классов контрастирует с добродетельностью обычных людей, которые воплощают христианские ценности. Как отмечает К. Ланц, этот существенный элемент Достоевский также сохраняет в своем переводе (с. 29). Обобщая проблематику текста, Р. Л. Буш утверждает, что в переводе «Евгении Гранде» Достоевским представлена его «ранняя трактовка сложной проблемы истины, которая может противостоять правдоподобию, к которому стремились писатели-реалисты» (с. 89).

Отдельными литературными приемами (например получение героем в решающий момент письма) Достоевский, по мнению Д. Рейффилда, также обязан «Евгении Гранде» Бальзака (с. 141). Исследователи не обратили внимания на сходство иного порядка: на повествовательную технику двух авторов. Не заметили они и весьма вероятного стилистического влияния Бальзака на его русского переводчика. Скорее, на них произвели впечатление использованные Достоевским стилистические клише «неистового романтизма» (влияние которого на писателя Буш не считает значительным — с. 88), а также трансформации, которые Достоевский допускает в ущерб бальзаковской трезвости.

Рейффилд считает, что на стиль перевода Достоевского большее влияние оказал Гоголь, чем Бальзак (с. 140). Тот же автор заключает, тем не менее, что история творчества Достоевского до «Преступления и наказания» — это «усиление бальзаковских элементов и искоренение влияния Гоголя» (с. 140–141). Напротив, многие другие исследователи подчеркивают, что, несмотря на несомненное и продолжительное влияние Бальзака, испытанное Достоевским, постепенно русский писатель отошел от идей и литературных представлений французского романиста.

Героев Бальзака определяют обстановка и декорации, вот почему он так тщательно их изображает. Герои Достоевского живут в мире, где ничто не определено, всё подвижно, где судьба героев не определяется извне, а складывается в их собственных душах, — пишет М. Блиноф (с. 348). У Бальзака деньги представляют собой существенный элемент, источник могущества и разрушения, и только самолюбие героев позволяет им достичь богатства и подъема по социальной лестнице, в то время как у Достоевского деньги (или их нехватка), возможно, не более чем «удобный предлог для развертывания интриги», который в дальнейшем автор часто оставляет в небрежении (с. 350). К. Ланц считает, что успех и благосостояние, к которым стремятся герои Бальзака, у Достоевского являются целью только второстепенных героев (с. 30), — таких как Лужин («Преступление и наказание») или Ганя Иволгин («Идиот»).

Идеологические убеждения писателей оказались весьма далеки друг от друга, хотя у них обоих вызывали воодушевление монархия и религия. По Бальзаку, они должны защищать человека «от разрушительных эгоизма, хищничества и посредственности буржуазного мира». Идеал зрелого Достоевского — «всеобщее братство», достигаемое

посредством личного самосовершенствования. Из этого М. Блиноф справедливо делает следующий вывод: «Зерно, посеянное Бальзаком, не могло прорасти более удивительным образом» (с. 353–355).

Так или иначе, большинство западных исследователей сходятся в убеждении, наиболее точно сформулированном в книге Д. Арбана: для того чтобы приведенные ими наблюдения и сделанные выводы стали несомненными, «следовало бы слово за словом изучить весь перевод» (с. 233). В подобном исследовании не стоило бы чрезмерно сосредоточиваться на сокращениях, вызванных различными причинами, которые нелегко определить. Необходимо отделить почти бессознательные изменения (неточности, недопонимание, пропуски) от тех (тоже бессознательных), которые вызывают к психологическому истолкованию, и от тех, которые переводчик сделал намеренно. Надлежит также отличать чисто языковые моменты, предопределенные переходом с одного языка на другой, от тех, которые имеют стилистическое значение: в частности, от наличия или отсутствия определенных повторов. Все эти отклонения могут быть поставлены в связь с последующими произведениями Достоевского, что позволит лучше понять их происхождение. Следует, однако, проявлять осторожность и не стремиться к тому, чтобы любой ценой находить в этом литературном труде Достоевского предвосхищение его больших романов. Сопоставление этого перевода с первыми романами и рассказами писателя представляется куда более уместным.

*Перевод с французского
и дополнение примечаний
С. А. Кибальника*